

РЕСУРСЫ, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В СТРАНАХ С ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКОЙ

Торвальдур Гилфасон*

Резюме

В данной работе рассматриваются некоторые причины того, почему изобилие природных ресурсов и экстенсивное сельское хозяйство во всем мире оказываются препятствиями на пути к экономическому росту. В работе представлены эмпирические межсекторальные данные, отражающие различные аспекты этой закономерности в переходных экономиках стран Центральной и Восточной Европы, а также Центральной Азии, начиная с 1990 г. Суть аргументации заключается в том, что сильная зависимость от природных ресурсов и сельского хозяйства может привести к поиску ренты (например, коррупции) и провалам политики (например, инфляции) и, кроме того, дестимулировать получение образования, внешнюю торговлю и подлинные сбережения**, замедляя тем самым экономический рост. В заключении работы кратко обсуждаются политические рекомендации, вытекающие из данного анализа.

Классификация JEL: O13, P24, Q32

Ключевые слова: переходная экономика, природные ресурсы, сельское хозяйство, экономический рост

У нас богатая страна, но люди наши – бедны.

Владимир Путин

1. ВВЕДЕНИЕ

Широко распространена точка зрения, особенно в богатых природными ресурсами странах, будто природный капитал является важной основой функционирования экономики и экономического прогресса. Изобилие природных ресурсов и вправду может быть источником постоянного дохода, по крайней мере до тех пор, пока ресурсы используются рационально или, во всяком случае, используются на определенном устойчивом уровне. Кроме того, изоби-

* Профессор Исландского университета (г. Рейкьявик), e-mail: gylfason@hi.is. Настоящая работа первоначально была опубликована как *CESifo Working Paper*, No. 313, July 2000 (Центр экономических исследований (CES) Мюнхенского университета, Германия). Окончательный вариант издан в 2000 г. в журнале *Kyklos*. Перевод публикуется с разрешения автора.

** Термином «подлинные сбережения» в рамках концепции устойчивого развития принято называть сбережения, скорректированные с учетом качества физического и природного капитала. По определению, подлинные сбережения – это разница между устойчивым объемом чистого национального продукта (ЧНП) и объемом потребления, где под устойчивым объемом ЧНП понимается максимальный объем потребления, не снижающий текущей стоимости национального богатства. – *Прим. ред.*

лие природных ресурсов часто сопровождается периодическим бумом, связанным, например, с обнаружением запасов нефти, которые ведут к росту объема выпуска, зачастую очень значительному, и потому воспринимаются как источник экономической мощи. Тем не менее, факты свидетельствуют, что во многих странах постепенное замедление темпов экономического роста было, по-видимому, обусловлено именно избытком природных ресурсов. Если это так, то экономические выгоды от бума, связанного с обнаружением новых запасов природных ресурсов, не могут быть вечными.

Бум, вызванный открытием новых природных ресурсов, повышает благосостояние страны по крайней мере на то время, пока выпуск растет из точки *B* в точку *E*, но если бум приводит к снижению темпов роста, тогда, при прочих равных условиях, после некоторого времени, в точке *C*, страна окажется в худшем положении, чем она была бы без бума.

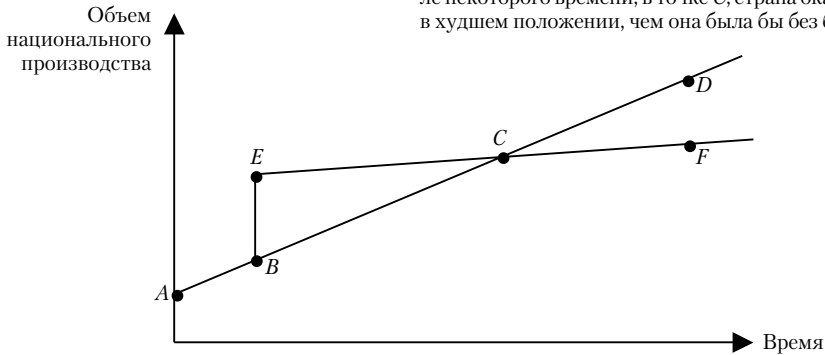

Рис. 1. Природное богатство и рост

Чтобы разобраться в этом, рассмотрим нацию, которая обнаруживает на своей территории ценные запасы нефти или залежи минералов. До тех пор пока доходы растут, национальная экономика будет получать от этого очевидный выигрыш, по крайней мере некоторое время. Однако если в результате экономического роста в долгосрочном периоде замедляется (по причинам, которые будут рассмотрены ниже) и больше не происходит никаких изменений, то в конечном итоге нация окажется в более худшем положении со своими новыми природными ресурсами по сравнению с ситуацией их отсутствия. На рис. 1 представлены две линии, изображающие эту гипотетическую ситуацию. Прямая линия *ABCD* показывает устойчивый экономический рост в первый и последующие годы. Линия *ABEFCF*, с другой стороны, показывает, что происходит, если обнаруживается новое природное богатство, и его начинают использовать в точке *B*. Производство резко возрастает, но затем оно растет медленнее, чем прежде. В точке пересечения двух линий *C* природное богатство вызывает снижение уровня жизни нации. Именно это и подразумевается, когда природные ресурсы, если ими распоряжаются недостаточно рационально, характеризуются как «сомнительное благо» или даже «проклятие». Да, они делают нацию на какое-то время богатыми, но делают это за счет сни-

жения экономического роста в долгосрочном периоде (см., например, Sachs, Warner (1995a); Gylfason (1999) и Gylfason, Herbertsson, and Zoega (1999)). Эмпирические данные не показывают какой-либо существенной разницы в этом отношении между возобновляемыми (например, запасы рыбы и лес) и невозобновляемыми (например, нефть и минералы) ресурсами.

Так каковы же основные пути негативного влияния изобилия природных ресурсов на экономический рост? Прежде чем мы ответим на этот вопрос, давайте сначала, в разделе 2, удостоверимся в его уместности для переходных экономик стран Центральной и Восточной Европы, а также Центральной Азии. Затем, в разделе 3, мы перейдем к обсуждению некоторых из возможных каналов, посредством которых изобилие природных ресурсов и сельское хозяйство могут воспрепятствовать долгосрочному экономическому росту. На основе межсекторальных данных по странам этого региона за 1990-е гг. мы представим некоторые эмпирические доказательства такой возможности, сравним эти данные с мировыми тенденциями за период с 1960 г. Связь между изобилием ресурсов, подлинными сбережениями и ростом обсуждается в разделе 4. В заключительной части работы, в разделе 5, мы обсудим политические рекомендации, вытекающие из данного анализа.

2. ЗАПАСЫ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В СТРАНАХ С ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКОЙ

Чтобы оценить богатство наций и уровень жизни, обеспеченный этим богатством, недостаточно посмотреть на текущие потоки дохода. Необходимо также исследовать величину и динамику ключевых макроэкономических переменных, таких как запасы природных ресурсов, включая состояние окружающей среды, и другие национальные активы и пассивы, что позволит определить основные детерминанты экономического роста во времени. Причина этого состоит в том, что высокие текущие потоки дохода, достигнутые за счет расходования запасов (например, истощения природных ресурсов), не могут обеспечиваться бесконечно долго. Однако многие из этих национальных активов и пассивов – в том числе и запасы природных ресурсов – чрезвычайно трудно измерить.

Приблизительные оценки национального богатства за 1990 г. были опубликованы Всемирным банком (World Bank (1995)). Эти оценки были сделаны без учета паритета покупательной способности и охватывали большинство стран с переходной экономикой (табл. 1). Национальное богатство определяется как сумма (1) человеческого капитала, в основе которого лежит главным образом образование и практическое обучение, (2) физического капитала, накопленного посредством инвестиций в машины и оборудование за вычетом амортизации, (3) природного капитала, включающего земли сельскохозяйственного назначения, леса, минеральные и топливно-энергетические ресурсы (без учета рыбных ресурсов), и (4) общественного капитала, отражающего инфраструктуру и институты, которые, в отличие от других факторов вроде коррупции, не могут быть измерены и поэтому, увы, должны остаться вне эмпирического анализа.

Табл. 1 показывает, что национальное богатство в расчете на душу населения стран с переходной экономикой составляет менее одной десятой части данного показателя стран с высоким уровнем подушевого дохода и всего лишь в два раза превышает этот показатель стран с низким уровнем дохода. Таблица также показывает, что структура национального богатства на душу населения стран с переходной экономикой – около 60% человеческого, 20% физического и 20% природного капитала – в среднем приблизительно аналогична таковой для стран с высоким уровнем подушевого дохода. Тем не менее, некоторые из стран с переходной экономикой имеют высокую долю природного капитала в национальном богатстве, в особенности Россия (70%) и Туркменистан (63%). Это единственные две страны из группы в составе двадцати двух стран, где доля природного капитала превышает средний уровень стран-экспортеров сырья. Однако совокупное национальное богатство России в расчете на душу населения составляет менее четверти среднего богатства на душу населения стран с высоким уровнем подушевого дохода.

Усовершенствованные, но по-прежнему приблизительные оценки Всемирного банка объема и структуры совокупного национального богатства в расчете на душу населения за 1994 г., скорректированные с учетом паритета покупательной способности, не включают оценки отдельных стран с переходной экономикой по причине неуверенности в точности данных. В отношении стран Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии в целом оценки показывают, что половина их природного капитала – это земли сельскохозяйственного назначения, 12% – леса и охраняемые зоны и оставшиеся 38% – минеральные и топливно-энергетические ресурсы. По этой и другим причинам в качестве приблизительного показателя изобилия природных ресурсов или, по крайней мере, одного из его аспектов может быть взято значение сельского хозяйства для национальной экономики. Последний столбец табл. 1 показывает, что страны с переходной экономикой, за единственным исключением в виде Словении, в среднем значительно более зависимы от сельского хозяйства, чем страны с высоким уровнем подушевого дохода. Средняя доля сельского хозяйства в рабочей силе переходных стран в 1990 г. равнялась 23%, то есть была почти в четыре раза выше, чем в странах с высоким уровнем дохода на душу населения. Для сравнения, средняя доля добавленной стоимости в сельском хозяйстве в ВВП в странах с переходной экономикой в 1997 г. равнялась 17%, что более чем в восемь раз выше, чем в странах с высоким уровнем подушевого дохода. Следовательно, если судить по сельскому хозяйству, то страны с переходной экономикой можно описать как богатые природными ресурсами по сравнению со странами с высоким уровнем подушевого дохода, а также по сравнению со странами со средним уровнем дохода на душу населения, в которых добавленная стоимость в сельском хозяйстве составляла в 1997 г. 11% ВВП, снизившись с 21% в 1970 г. Исходя из этого, вопросы потенциально неблагоприятных последствий изобилия природных ресурсов для экономического роста, по-видимому, вполне уместны для стран с переходной экономикой как группы и, конечно же, для некоторых отдельных стран, в особенности для Туркменистана и России, самой большой страной данной группы.

Таблица 1

Национальное богатство: человеческий, физический и природный капитал, 1990 г.

	(1) Совокупное национальное богатство в расчете на душу населения (тысяч долларов США)	(2) Человеческий капитал (% от совокупного богатства)	(3) Физический капитал (% от совокупного богатства)	(4) Природный капитал (% от совокупного богатства)	(5) Доля сельского хозяйства в рабочей силе, %
Албания	33	74	15	10	55
Азербайджан	14	67	25	6	31
Беларусь	53	79	11	10	20
Болгария	23	61	15	24	13
Чехия	50	65	15	19	11
Эстония	55	72	14	15	14
Грузия	16	63	28	6	26
Венгрия	63	71	16	12	15
Казахстан	31	79	19	1	22
Кыргызстан	14	55	23	24	32
Латвия	35	66	20	12	16
Литва	24	64	30	9	18
Молдова	22	77	19	4	33
Польша	50	56	13	31	27
Румыния	17	70	17	13	24
Россия	98	15	15	70	14
Словакия	33	78	17	5	12
Словения	111	67	16	16	6
Туркменистан	29	23	15	63	37
Украина	30	77	17	6	20
Узбекистан	15	69	19	12	35
Югославия	71	18	54	28	30
В среднем	40	62	20	18	23
Страны с высоким уровнем дохода на душу населения	436	68	16	17	6
Страны с низким уровнем дохода на душу населения	21	51	17	32	66
Страны-экспортеры сырья	27	36	20	43	–

Источник: World Bank (1995; 1999).

Эмпирические данные свидетельствуют о тенденции, при прочих равных условиях, медленного роста преимущественно аграрных стран сравнительно со странами с развитой обрабатывающей промышленностью и сферой услуг (Gylfason (1999)). Эта тенденция проиллюстрирована на рис. 2. На нем изображен разброс среднегодовых темпов роста выпуска на душу населения за 1960–1997 гг. и средней доли сельского хозяйства в ВВП за тот же период в 162 странах¹. Каждая страна представлена на рисунке одной точкой. Отрица-

¹ Из первоначальной выборки всех 165 стран, по которым Всемирный банк опубликовал необходимые данные, три страны пришлось исключить из-за сомнительной достовернос-

тельная связь является статистически и экономически значимой. Коэффициент корреляции равен -0.19 , а t -статистика равна 2.5^2 . Наклон линии регрессии показывает, что увеличение доли сельского хозяйства в ВВП на 10 процентных пунктов сопровождается снижением темпов роста выпуска на душу населения почти на 0.4 процентных пункта, что является сильной связью в силу того факта, что среднегодовые темпы роста выпуска на душу населения в этой выборке составляют лишь $1.1\%^3$.

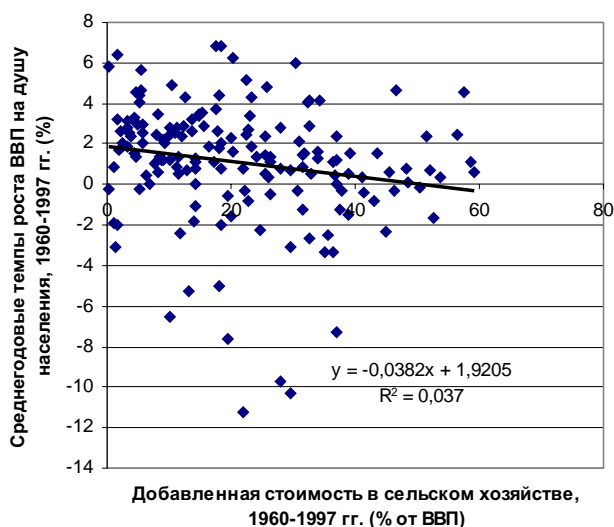

Рис. 2. Экономический рост и сельское хозяйство в мире, 1960–1997 гг.

Далее, в табл. 2 показана обратная связь между экономическим ростом и сельским хозяйством во всемирном масштабе: в 43 странах, где доля сельского хозяйства в 1960–1997 гг. составляла менее 10% ВВП, среднегодовые темпы роста производства в расчете на душу населения достигали 2.1% по сравнению с 1.2% роста в 41 стране с долей сельского хозяйства от 10 до 20% ВВП и 0.5% – в 78 странах с долей агросектора в ВВП от 20% и более. Разница между первой и последней цифрами роста, показанными в таблице, статистически значима на уровне 0.05 ($t = 3.1$), тогда как разница между первой и второй цифрами роста является значимой только на менее строгом уровне в 0.10 ($t = 1.6$), а разница между второй и третьей цифрами роста является незначи-

ти данных о темпах роста (невероятно высоких!): Экваториальную Гвинею, Доминику, а также Сент-Винсент и Гренадины.

² По определению, коэффициент корреляции равен квадратному корню из коэффициента детерминации R^2 , который указан в юго-восточном углу рисунка.

³ Группа из восьми стран со среднегодовыми темпами роста в -4% включает Анголу, Россию и шесть других членов бывшего Советского Союза. Исключение их из выборки усиливает корреляцию с -0.19 до -0.25 , но существенно не влияет на наклон линии регрессии.

мой ($t = 1.2$). Вывод из этого сопоставления заключается в том, что в среднем страны с крупным сельскохозяйственным сектором (20% ВВП и более) растут значительно медленнее, чем страны с небольшим агросектором (менее 10% ВВП).

Таблица 2

Экономический рост и сельское хозяйство, 1960–1997 гг.

Число стран	Добавленная стоимость в сельском хозяйстве, % от ВВП, в среднем за 1960–1997 гг.	Среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения в 1960–1997 гг., % (в скобках даны значения t -статистики)
43	0–10	2.1 (1.6)
41	10–20	1.2 (1.2)
78	20–50	0.5 (3.1)

Источник: расчеты автора на основе данных Всемирного банка (World Bank (1999)).

Эти цифры не удивляют. Индустриализация и ориентация на развитие сферы услуг сыграли ключевую роль в радикальном изменении уровня жизни, которое произошло в мире в XX веке. Страны с высоким уровнем дохода на душу населения стали богатыми главным образом за счет сокращения доли сельского хозяйства и повышения доли вначале промышленности, а затем сферы услуг, которая к 1997 г. достигла 61% от мирового выпуска. Средняя доля сельского хозяйства в ВВП в нашей выборке снизилась с 32% в 1960 г. до 23% в 1997 г. Этот процесс будет и должен продолжаться. В этом отношении страны с переходной экономикой не отличаются от других стран. Одной из наиболее важных экономических, политических и общественных проблем в XXI веке станет поиск способов резкого снижения зависимости от сельского хозяйства без крупных потрясений с целью обеспечения возможностей для непрерывного расширения обрабатывающей промышленности, торговли и сферы услуг, которые должны стать, как и в других странах, основным местом работы большинства населения. Этот длительный процесс потребует проведения такой экономической политики и создания таких институциональных структур, которые будут содействовать повышению выигрыша от статической и динамической эффективности, результатом чего будет, если все пойдет хорошо, увеличение темпов экономического роста в долгосрочном периоде.

3. ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: ФАКТЫ И ИХ ОБЪЯСНЕНИЕ

Почему же изобилие природных ресурсов может препятствовать экономическому росту?

Давайте сначала посмотрим на эмпирические данные. На рис. 3 изображен разброс темпов роста производства на душу населения с 1960 по 1997 г. и доли природного капитала в национальном богатстве в 1994 г. для 92 стран, то есть всех стран, по которым Всемирный банк подготовил оценки природного капитала. Связь, которую вы видите, является статистически и экономически зна-

чимой. Коэффициент корреляции равен -0.51 . Увеличение на 13 процентных пунктов доли природного капитала в какой-либо стране, при прочих равных условиях, в среднем сопровождается снижением годовых темпов роста выпуска в расчете на душу населения на 1 процентный пункт. Опять же, это достаточно сильная связь, если учесть, что средние темпы роста выпуска в расчете на душу населения в данной выборке за рассматриваемый период равны 1.1% в год. Подобная связь наблюдается и в богатых, и в бедных странах (Gylfason (2000)), а также при использовании различных альтернативных показателей изобилия природных ресурсов, таких как доля первичного сектора в совокупном экспорте или от ВВП (как у Sachs, Warner (1995a)), доля первичного сектора в рабочей силе (как у Gylfason, Herbertsson, and Zoega (1999)) или же просто доля добавленной стоимости в сельском хозяйстве в ВВП, как на изображенном выше рис. 2. Но вспомним, что ни одной страны с переходной экономикой на рис. 3 нет, поскольку они не входят в выборку Всемирного банка.

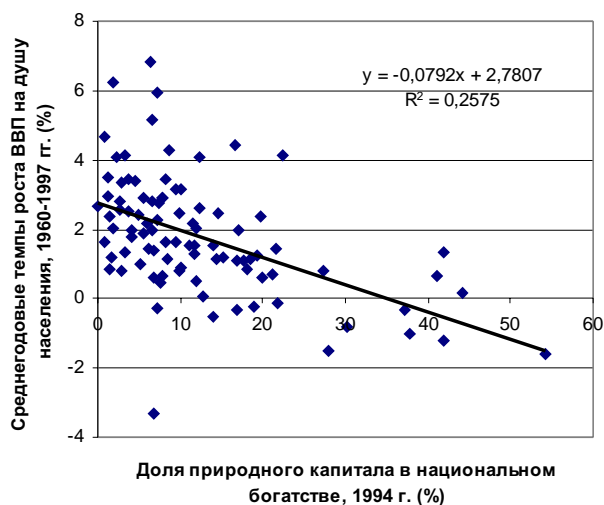

Рис. 3. Экономический рост и природный капитал в мире, 1960–1997 гг.

Само собой разумеется, что простые корреляции, показанные на рис. 2 и 3, сами по себе не говорят нам о причинах и следствиях рассмотренного явления. Тем не менее они достаточно хорошо согласуются с результатами многомерного регрессионного анализа, при проведении которого в состав объясняющих переменных были включены и другие предполагаемые детерминанты экономического роста, а также была предпринята попытка разграничить причины и следствия. Статистически полученный вывод в том, что обратная связь между изобилием природных ресурсов, измеренным любым из способов, и экономическим ростом в различных странах прослеживается достаточно четко. Хотя и нельзя исключать возможность обратной причинно-следственной связи (когда быстрый рост изымает ресурсы из отраслей, связанных с использованием природных ресурсов), все же кажется более естественным вначале рассмотреть запасы природных

ресурсов как экзогенную переменную, а затем на основе статистических данных заключить: скорее рост реагирует на природные ресурсы, чем наоборот.

За последние несколько лет в научной литературе были даны некоторые объяснения этой обратной связи между изобилием природных ресурсов и экономическим ростом (детальный анализ и краткое изложение этих работ, а также различные исследования конкретных случаев представлены у Auty (ed.) (forthcoming)). Давайте сейчас рассмотрим эти объяснения под четырьмя отдельными заголовками: (а) поиск ренты, (б) провалы политики, (с) образование и (d) голландская болезнь.

А. Поиск ренты

Изобилие природных ресурсов обычно способствует возникновению политически влиятельных групп с особыми интересами внутри и возле отраслей, связанных с использованием данного изобилия. Искатели ренты будут стараться использовать, зачастую с большим успехом, свое политическое влияние и финансовую мощь для изменения экономической политики правительства в свою пользу за счет общества. При этом поиск ренты весьма разнообразен. Можно, например, приобрести в собственность или получить привилегированный доступ к ресурсам, находящимся в собственности государства, или естественным ресурсам совместного пользования, таким как нефть, минеральное сырье или запасы рыбы, в дополнение к другой собственности, включающей средства коммуникации. Кроме того, искатели ренты пытаются не допустить иностранной конкуренции, а также использовать полученные зачастую незаконным путем средства для реализации своих целей на политической арене, например путем пополнения казны находящейся у власти политической партии, от которой зависит будущее данных привилегий⁴. Во многих случаях ключом к успешному поиску ренты является способность не допустить или ограничить действие рыночных сил. Огромная рента, полученная на рынке природных ресурсов, в частности, вследствие несовершенства рынка и размытых прав собственности, предоставляет новые крупномасштабные возможности для получения ренты. Тем самым ресурсы отвлекаются от более выгодных для общества сфер экономической деятельности.

На рис. 4, охватывающем все 45 стран, по которым мы имеем необходимые данные, на горизонтальной оси показана доля природного капитала за 1994 г., а на вертикальной оси – индекс коррумпированности Transparency International за 1996 г.⁵ Значения индекса изменяются от нуля в наиболее коррумпированных странах до десяти в тех странах, где коррупция практически отсутствует (как, например, в Норвегии и Новой Зеландии). На рисунке видна четкая и статистически значимая связь: во всех странах коррупция растет по мере увеличения природного капитала. Так, если доля природного капитала увеличивается на 6 процентных пунктов, то индекс коррумпированности снижается (то

⁴ О причинах и последствиях поиска ренты см. Kueger (1974); Bhagwati (1982) и Gelb, Hillman, and Ursprung (1996).

⁵ Описание индекса коррумпированности и связанных с ним вопросов см., например, в Gray, Kaufman (1998); Kaufman (1997) и Bardhan (1997).

есть коррупция растет) на 1 пункт. Коэффициент корреляции равен -0.33 ($t = 2.3$). Ранее отмечалось, что снижение индекса коррумпированности (то есть рост коррупции) на 2 пункта в какой-либо стране в среднем сопровождается снижением годовых темпов роста выпуска на душу населения на 0.5 процентного пункта (Мауго (1995)). Поэтому из рис. 4 следует, что в отсутствие прочих изменений увеличение на 12 процентных пунктов доли природного капитала в какой-либо стране приводит в среднем к снижению годовых темпов роста выпуска на душу населения на 0.5 процентного пункта лишь за счет содействия коррупции. Это серьезный результат – если это вообще является результатом, а не простой корреляцией, как показали, например, Leite, Weidman (1999). Обратная причинно-следственная связь исключена.

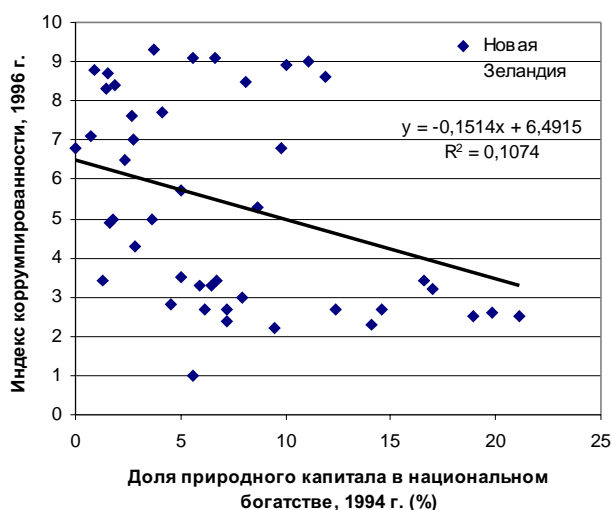

Рис. 4. Коррупция и природный капитал в мире, 1994–1996 гг.

Рис. 5 и 6 показывают, по сути, ту же ситуацию в переходных странах, даже если данные по росту, по объективным причинам, следует ограничить 1990-ми гг. Рис. 5, охватывающий 20 стран (показаны в табл. 1, за исключением Туркменистана и Югославии)⁶, демонстрирует, как и рис. 4, четкую и статистически значимую связь между коррупцией и изобилием природных ресурсов, измеренным через долю сельского хозяйства в рабочей силе за 1990 г. Коэффициент корреляции равен -0.64 ($t = 3.6$). Отметим, что наша выборка включает страны с одними из самых низких индексов коррумпированности – Азербайджан и Узбекистан (1.7 (как Индонезия) и 1.8, соответственно), – которые лишь незначительно выше в списке неподкупности, чем Нигерия (1.6) и Камерун (1.5), считавшиеся в 1999 г., по данным Transparency International, наиболее коррумпированными странами мира. В северо-западном углу рисунка

⁶ Так, отсутствуют индекс коррумпированности в Туркменистане и данные по темпам роста в Югославии.

ка вы можете увидеть Словению, наименее коррумпированную страну с наименьшей долей сельского хозяйства в данной выборке. Наклон линии регрессии показывает, что увеличение доли сельского хозяйства в совокупной рабочей силе на 14 процентных пунктов сопровождается снижением индекса коррумпированности (то есть ростом коррупции) на 1 пункт.

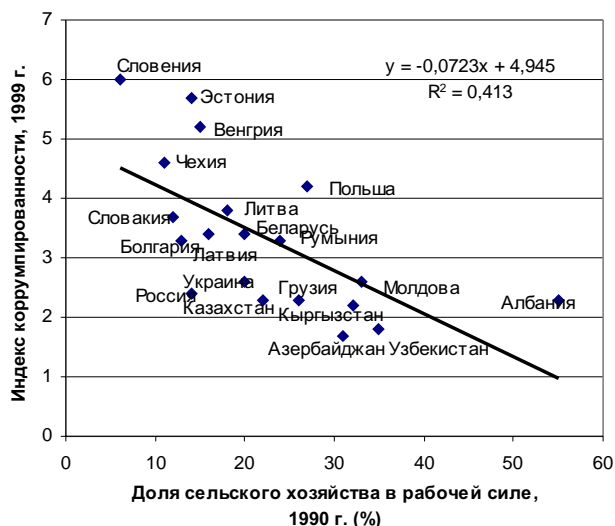

Рис. 5. Страны с переходной экономикой: избытие природных ресурсов и коррупция

Рис. 6. Страны с переходной экономикой: коррупция и экономический рост, 1990–1997 гг.

Но какое значение все это имеет для экономического роста?

На рис. 6 показана связь между коррупцией и экономическим ростом в тех же 20 странах за период с 1990 по 1997 г. И снова мы видим значительную связь при коэффициенте корреляции, равном 0.66 ($t = 3.7$). Наклон линии регрессии показывает, что увеличение индекса коррумпированности на 1 пункт (то есть снижение коррупции) сопровождается повышением годовых темпов роста выпуска на душу населения более чем на 3 процентных пункта. Следовательно, рассматривая рис. 5 и 6 вместе, мы можем увидеть, что если доля сельского хозяйства в рабочей силе снижается на 5 процентных пунктов, увеличивая индекс коррумпированности в соответствии с рис. 5 на $1/3$ пункта, то темпы роста выпуска на душу населения повышаются, как показано на рис. 6, на 1 процентный пункт при неизменности иных показателей. Это один из примеров того, как изобилие природных ресурсов и коррупция на несовершенных рынках могут привести к замедлению темпов экономического роста.

В. Провалы политики

Другой канал, посредством которого зависимость от природных ресурсов может замедлить темпы экономического роста, связан с необоснованной политикой. Провал рынка, вследствие которого появляется возможность поиска ренты, усугубляется провалами в политике. Как и чрезмерная необусловленная иностранная помощь, изобилие природных ресурсов может дать ложное чувство безопасности, ощущение, будто возможно все. С другой стороны, не имеющие значительных природных ресурсов страны ощущают, что у них нет права на ошибку, и поэтому необходима осмотрительность при организации экономики и проведении политики. Когда богатые ресурсами страны начинают сталкиваться с трудностями, они едва ли понимают происходящее и пытаются стимулировать рост, например, посредством реализации внутренних инвестиционных проектов и внешнего заимствования, вызывая резкое увеличение темпов инфляции. Государственные финансы и внешний долг выйдут из-под контроля, и, в результате, надежды на экономический рост не оправдываются, что вынуждает власти предпринимать действия по установлению контроля за инфляцией и задолженностью. За этим следует короткий период стагнации или даже падение уровня жизни и недовольство общества, что с новой силой побуждает к стимулированию роста, и круг замыкается⁷. Экономическое развитие остается неустойчивым. В периоды с небольшими, нулевыми или даже отрицательными темпами экономического роста национальное богатство истощается. Это относится не только к физическому капиталу, но также и к человеческому капиталу и природному богатству, поскольку в тяжелые годы власти подвергаются соблазну пренебречь образованием и расширить использование природных ресурсов. Через некоторое время, когда темпы роста изменяются в лучшую сторону, и власти и общество начинают игнорировать долгосрочные тенденции. Лишь с опозданием люди в конце кон-

⁷ Описание этого процесса дано в Sachs (1989) и Auty (1994).

цов осознают, что темпы долгосрочного роста в среднем меньше, чем предполагалось, ибо они резко падают в данный момент, и все повторяется снова. В результате, необходимые реформы зачастую откладываются. Проблема неудачного выбора времени проведения политических реформ (слишком мало, слишком поздно), однако, является следствием не только периодических бумов, связанных с обнаружением новых запасов природных ресурсов, которые маскируют необходимость проведения реформ, но и поиска ренты, поскольку политически влиятельные группы с особыми интересами внутри и около сектора природных ресурсов препятствуют проведению реформ (Auty (ed.) (forthcoming)).

Таким образом, экономическое развитие является обратно-поступательным, что обусловлено не только непоследовательностью экономической политики, но и колебаниями цен на сырье на мировых рынках. Цены на основные виды сырья намного более подвержены колебаниям, чем цены на другие товары и услуги в целом. Это значит, что доходы от экспорта стран, богатых ресурсами, более изменчивы, а сами эти страны в большей степени экономически нестабильны по сравнению с другими странами. За подъемами следуют периоды резкого спада, а иногда и инфляции. В периоды же спадов часто принимаются меры по смягчению проблем экспортных отраслей, иногда включающие девальвацию национальной валюты и внешнее заимствование. В результате инфляция свирепствует как в тяжелые, так и в благополучные годы.

Обратно-поступательное движение разрушительно для экономики, поскольку оно, как и инфляция, повышает неопределенность и ведет к снижению объемов торговли и инвестиций, а следовательно, и темпов экономического роста. В странах с однобоко развитой экономикой наблюдается не только более неравномерное течение экономической деятельности по сравнению с диверсифицированными системами, но и экономика таких стран более чувствительна к колебаниям, вызванным неудовлетворительным распределением риска. Когда преимущественная эксплуатация ресурсов затрудняется или прекращается по какой-либо причине (например, чрезмерное использование, невозможность добычи или коллапс цен мирового рынка), то удар часто оказывается сокрушительным, поскольку способность экономики переносить шок обратно пропорциональна степени доминирования первичного сектора в благополучной ситуации.

Давайте исследуем эту гипотезу в контексте рассматриваемых здесь переходных стран, используя для измерения степени провала политики показатель инфляционных искажений или неявной ставки инфляционного налога (то есть годовые темпы инфляции, деленные на единицу, плюс текущий темп инфляции; значения этого показателя изменяются от 0 до 1), коррелируя его с более предпочтительным для нас показателем зависимости от природных ресурсов, а именно долей сельского хозяйства в совокупной рабочей силе в 1990 г. На рис. 7 показано, что инфляция положительно коррелирует с этим показателем запасов природных ресурсов в 21 из 22 переходных стран из нашей выборки, то есть во всех, за исключением Югославии. Коэффициент корреляции, равный 0.36, при таком небольшом количестве наблюдений не является высоко значимым ($t = 1.7$). Наклон линии регрессии, чем он и заслужива-

ет внимания, показывает, что повышение на 12 процентных пунктов доли сельского хозяйства в рабочей силе сопровождается увеличением инфляционных искажений на 0.1, что соответствует росту годовых темпов инфляции, скажем, с 50 до 75%. Такая же связь возникает, если изобилие природных ресурсов измеряется долей добавленной стоимости сельского хозяйства в ВВП. Однако между изобилием природных ресурсов и инфляцией в мировой экономике в целом нет четкой связи, что может навести на мысль, что корреляция, наблюдаемая на рис. 7, является ложной.

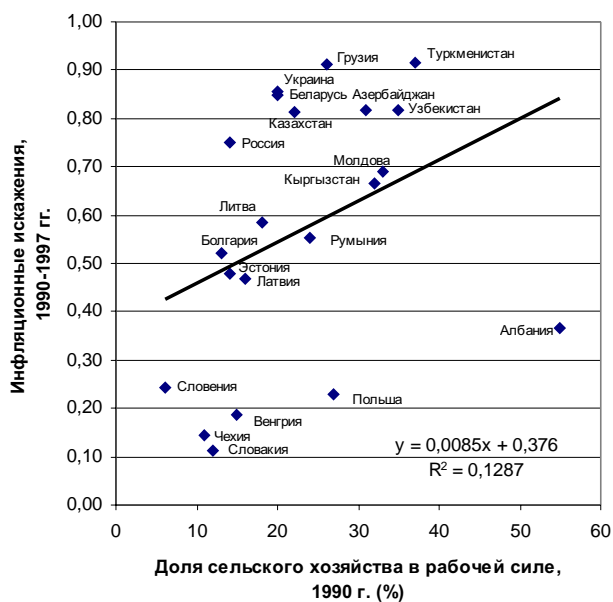

Рис. 7. Страны с переходной экономикой: инфляция и сельское хозяйство, 1990–1997 гг.

На рис. 8 представлено соотношение средних темпов роста выпуска продукции на душу населения и средних инфляционных искажений за период 1990–1997 гг. Здесь мы видим сильную и статистически значимую корреляцию с коэффициентом, равным -0.84 ($t = 6.8$). Поэтому для данной группы стран экономический рост находится в обратной зависимости от инфляции, которая, в свою очередь, если верить рис. 7, в некоторой степени может быть следствием неэффективности, обусловленной слишком большим упором на сельское хозяйство и, соответственно, весьма небольшими возможностями развития обрабатывающей промышленности, торговли и сферы услуг. Тем не менее вполне вероятно, что высокая инфляция частично может быть причиной медленных или отрицательных темпов роста как прямой, через искажение использования реального и финансового капитала в производстве (Gylfason (1998a)), так и косвенной, через другие каналы, например завышение стоимости национальной валюты, к чему мы вскоре обратимся.

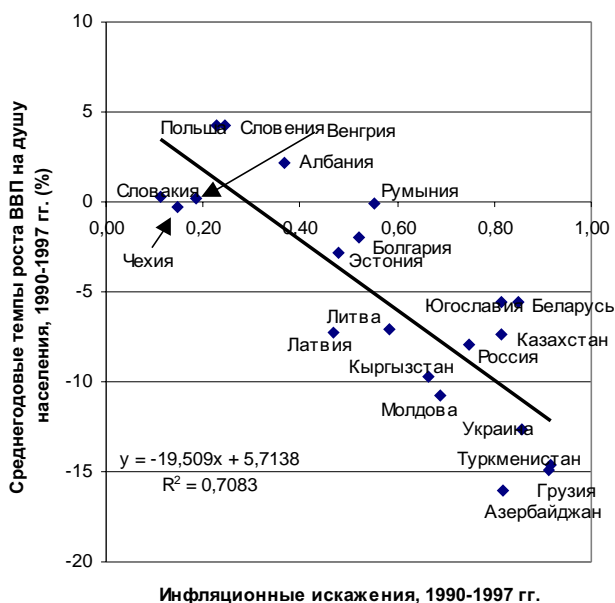

Рис. 8. Страны с переходной экономикой: экономический рост и инфляция, 1990–1997 гг.

С. Образование

Третий канал, посредством которого изобилие природных ресурсов может замедлить экономический рост, связан с человеческим капиталом. Первичное производство обычно предъявляет более низкие требования к образовательному уровню рабочей силы по сравнению с другими видами производства – обрабатывающей промышленностью, торговлей и сферой услуг. Это справедливо, по крайней мере, для сельского хозяйства стран с низким и средним уровнем дохода на душу населения, включая большинство стран с переходной экономикой. В результате, рабочие, прежде работавшие в первичном производстве, таком как сельское, лесное хозяйство или горная промышленность, в целом имеют более низкий общеобразовательный уровень, например, по навыкам владения компьютером и знанию иностранных языков, чтобы предложить свой труд новым работодателям в обрабатывающей промышленности, торговле и сфере услуг, поскольку доля неквалифицированных рабочих в первичном производстве в целом выше, чем в любой другой сфере. Однако это не относится к развитым странам, использующим в первичном производстве передовые технологии, которые требуют наличия хорошо образованных рабочих различных специальностей, о чем свидетельствуют, например, высокотехнологичные операции по бурению нефтяных скважин, а также механизация и компьютеризация отдельных операций в сельском хозяйстве индустриальных стран в течение последних десятилетий. Таким образом, поскольку в первичном производстве уровень образования рабочей силы

ниже, чем в других секторах экономики, и учитывая базовое значение образования, отчасти можно объяснить, почему экстенсивное первичное производство прямо и косвенно препятствует экономическому росту. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что во всем мире количество учащихся, зачисленных в различные учебные заведения, обратно пропорционально изобилию природных ресурсов и экономическому росту (Gylfason, Herbertsson, and Zoega (1999)).

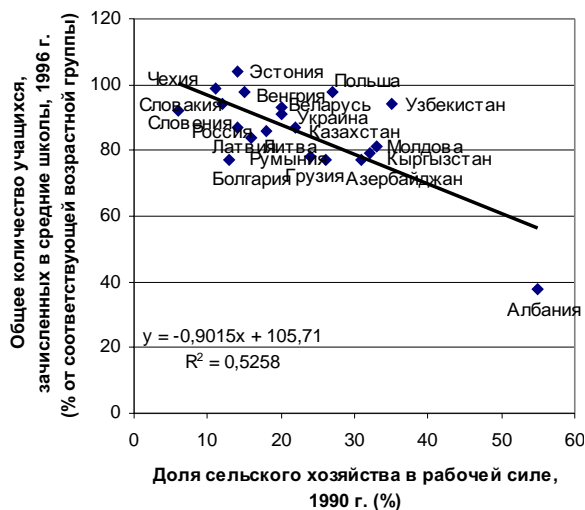

Рис. 9. Страны с переходной экономикой: образование и сельское хозяйство

Подобные тенденции можно увидеть и для нашей выборки стран с переходной экономикой на рис. 9 и 10, которые охватывают те же 20 переходных стран, что и рис. 5 и 6. На рис. 9 показан разброс общего количества учащихся, зачисленных в средние школы в 1996 г., изображенного на вертикальной оси, и доли сельского хозяйства в рабочей силе в 1990 г., изображенной, как и прежде, на горизонтальной оси. Связь является значимой и предполагает альтернативный выбор между двумя показателями в соотношении приблизительно один к одному. Коэффициент корреляции равен -0.73 ($t = 4.6$). Однако этот результат во многом обусловлен включением в выборку Албании, которая расположена обособленно в юго-восточном углу диаграммы. Если Албанию исключить из выборки, то коэффициент корреляции снижается до -0.40 ($t = 1.8$), а наклон линии регрессии уменьшается с -0.9 до -0.4 . Тем не менее мы имеем здесь крайне значимую связь (не показано), соответствующую общемировым тенденциям. Эта обратная связь между образованием и сельским хозяйством может отражать провал рынка, а также в некотором смысле политический провал, неспособность властей выполнить свои обязательства в отношении образования, равно как и неспособность содействовать повышению заинтересованности населения в получении образования и эффективности системы образования за счет внедрения рыночных стимулов (включая, например, введение платы за обучение, как в Китае).

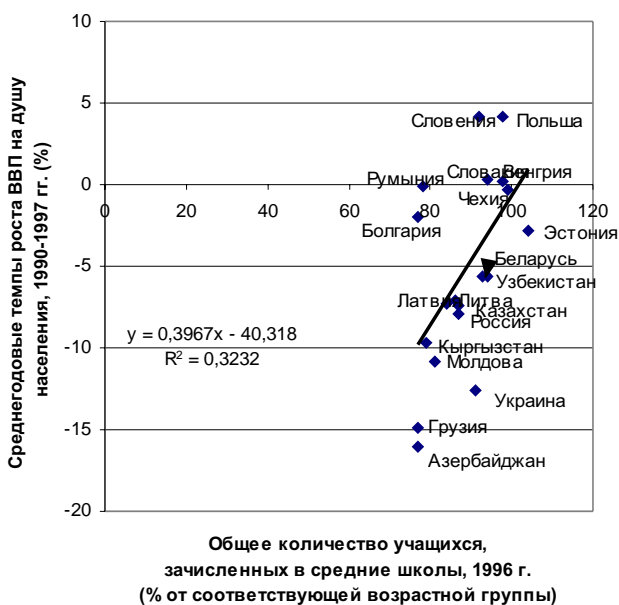

Рис. 10. Страны с переходной экономикой: экономический рост и образование, 1990–1997 гг.

На рис. 10 изображены темпы экономического роста в 1990–1997 гг. и количество учащихся, зачисленных в среднюю школу в 1996 г. И снова Албания расположена обособленно. Если Албания входит в выборку (не показано), то мы наблюдаем слабо выраженную положительную корреляцию между экономическим ростом и образованием, но корреляция является как статистически, так и экономически незначимой. Если же, с другой стороны, Албания не включена в выборку, тогда мы имеем связь, изображенную на рис. 10 с коэффициентом корреляции, равным 0.57 ($t = 2.8$). Наклон линии регрессии составляет 0.4, показывая, что увеличение на 10 процентных пунктов количества учащихся, зачисленных в среднюю школу, сопровождается, при прочих равных условиях, повышением темпов роста выпуска на душу населения на 4 процентных пункта. Очевидно, что эти выводы не являются однозначными, но они заставляют задуматься о типе качественных связей, имеющих место в более крупных выборках, охватывающих мир в целом, и связей, появления которых по прошествии некоторого времени можно ожидать и в странах с переходной экономикой, после того как экономические потрясения 1990-х гг. станут делом прошлого.

Д. «Голландская болезнь»

Четвертый и последний канал, посредством которого изобилие природных ресурсов может замедлить темпы экономического роста, связан с «голландс-

кой болезнью», которая может проявиться самым разнообразным образом. В своей наиболее распространенной форме «голландская болезнь» проявляется в способности отраслей, связанных с использованием природных ресурсов, жить за счет извлечения ренты и тем самым процветать благодаря более высокому реальному обменному курсу и выплачивать более высокую заработную плату, чем в других отраслях, которые в результате не в состоянии конкурировать с дешевым импортом как у себя дома, так и на мировых рынках. Следствием этого обычно является резкое падение объемов экспорта продукции обрабатывающей промышленности и других отраслей, не относящихся к первичному сектору, а возможно даже и доли совокупного экспорта в ВВП, если первичный экспорт вытесняет всякий иной гульден за гульденом (Gylfason (forthcoming)). Это может навредить росту, поскольку на него влияют объем экспорта (и импорта, причем не только товаров, услуг и капитала, но и идей, инноваций и ноу-хау), а также его структура. Объем экспорта, с учетом размера страны, отражает степень открытости экономики, а открытость в целом благоприятствует росту (Sachs, Warner (1995b); Edwards (1998) и Frankel, Romer (1999)). Структура экспорта также имеет значение. Рост реального курса национальной валюты может нанести прямой ущерб высокотехнологичным капиталоемким или же интенсивно использующим высококвалифицированную рабочую силу экспортерам промышленной продукции и услуг, которые активно содействуют ускорению экономического роста.

Но «болезнь» ли это? Те, кто так не считает, склонны трактовать ее как проблему одного сектора, получающего часть выигрыша за счет других секторов, и не усматривают в этом никакого ущерба для макроэкономики. Те же, кто видит в «голландской болезни» недуг, напротив, озабочены возможными негативными последствиями для экономического роста и диверсификации вызванного ею перераспределения ресурсов между различными секторами – например, от высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности, торговли и сферы услуг в низкотехнологичное первичное производство. Согласно этой точке зрения, признаком «голландской болезни» можно считать эмпирические данные, отражающие обратную связь между изобилием природных ресурсов и экономическим ростом в долгосрочном периоде. Если это так, то эффективный курс лечения может потребовать принятия правительством определенных рыночных мер – например, введения адекватных рентных платежей за пользование ресурсами – с целью восстановления здорового баланса между различными секторами экономики.

На рис. 11 показана связь между степенью открытости страны, измеренной как разница между реальной средней долей экспорта в ВВП за 1990–1997 гг.⁸ и средней долей экспорта, рассчитанной на основе количества населения данной

⁸ По некоторым странам цифры, отражающие долю экспорта, в действительности имеются и за более ранний период (по Венгрии – начиная с 1970 г.). В нескольких других случаях данные имеются лишь начиная с 1990 г. (по Азербайджану – с 1993 г.). Средняя доля экспорта для каждой страны рассчитывалась на основе максимально возможного количества наблюдений.

страны с учетом размера, и долей сельского хозяйства в рабочей силе, как и прежде, в 1990 г. Средняя доля экспорта за 1990–1997 гг. рассчитывалась путем построения регрессии на основе логарифма среднего количества населения (в тысячах) за 1960–1997 гг. Остаток регрессии и есть наш показатель степени открытости (как в Gylfason (1999)). Тот факт, что все страны выборки, за исключением трех, расположены выше горизонтальной оси, свидетельствует о том, что экономика этих стран, с учетом их размера, является весьма открытой. Включение в выборку Албании, которая по-прежнему находится в отрыве от всех других стран, существенно не влияет на линию регрессии, изображенную на диаграмме. Отрицательная корреляция между степенью открытости и сельским хозяйством равна -0.72 ($t = 4.4$).

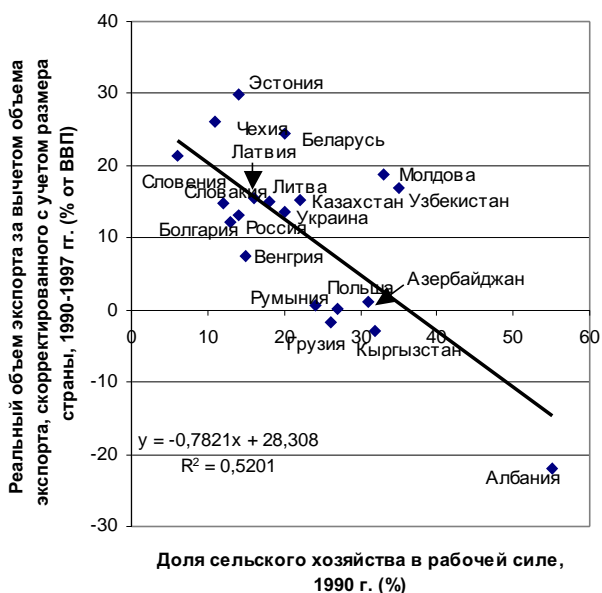

Рис. 11. Страны с переходной экономикой: открытость и сельское хозяйство, 1990–1997 гг.

На рис. 12 изображена связь между экономическим ростом и степенью открытости в той же выборке, но теперь без Албании. Без учета Албании существует слабая положительная корреляция ($r = 0.25$) между экономическим ростом и открытостью, но она далека от того, чтобы быть значимой ($t = 1.1$). Далее, если в выборку включить Албанию, то положительная корреляция исчезает вообще (не показано). Следовательно, на основе этих цифр нельзя сказать, что темпы роста стран с переходной экономикой в 1990-е гг. были напрямую связаны со степенью открытости в торговле. Такое же отсутствие (общей) корреляции между экономическим ростом и открытостью можно наблюдать и в более крупных выборках, охватывающих все страны мира. Однако в некоторых исследованиях, основанных на многомерном регрессион-

ном анализе, была обнаружена значительная положительная корреляция между экономическим ростом и открытостью по странам и во времени (Sachs, Warner (1995b); Gylfason, Herbertsson (1996)); Edwards (1998) и Frankel, Romer (1999)). Несмотря на это, отсутствие общей корреляции может означать, что существуют косвенные связи между открытостью и ростом, например через инфляцию. Иначе говоря, одной из причин обратной зависимости роста от инфляции, как мы видели на рис. 8, вполне может быть то, что при прочих равных условиях инфляция вредит экспорту через реальный обменный курс. И все же данные не подтверждают наличия какой-либо значимой корреляции между инфляцией и открытостью. Поэтому мы не будем далее рассматривать этот вопрос.

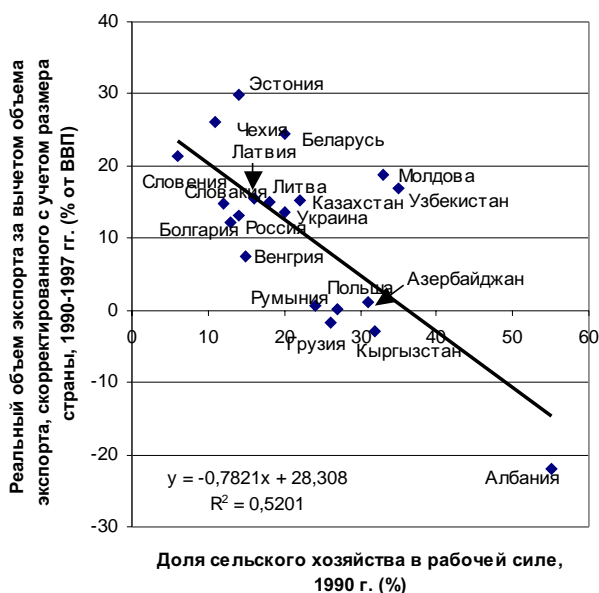

Рис. 12. Страны с переходной экономикой: экономический рост и открытость, 1990–1997 гг.

4. НОРМА ПОДЛИННЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Устойчивый экономический рост требует высококачественных сбережений и инвестиций. Высокая норма чистых сбережений необязательно стимулирует рост, если при этом происходит быстрое обесценивание и выбытие физического и природного капитала. Например, быстрое обесценивание физического капитала требует инвестиций для замещения выбывшего капитала, тем самым оставляя меньше внутренних сбережений для чистого накопления капи-

тала (то есть чистых инвестиций). Большое значение имеют и эффективные финансовые рынки, обеспечивающие перевод сбережений в высококачественные инвестиции. К снижению качества капитала также со временем приводит плохо функционирующая банковская система. Аналогичный аргумент справедлив и для природного капитала.

Прояснению картины зависимости роста от сбережений и инвестиций помогает оценка нормы подлинных сбережений, осуществленная Всемирным банком (World Bank (1999)) с учетом качества физического и природного капитала. Страны, истощающие запасы физического и природного капитала, будут иметь низкие (возможно, даже отрицательные) нормы подлинных сбережений, которые поэтому можно взять в качестве приблизительной оценки качества или стабильности управления природными ресурсами, по крайней мере, в физическом смысле.

Подлинные внутренние сбережения отличаются от чистых внутренних сбережений в основном на величину истощения и обесценивания природного капитала с учетом текущих расходов на образование, которые улучшают качество человеческого капитала. Иначе говоря, по определению, подлинные сбережения – это разница между устойчивым объемом чистого национального продукта и объемом потребления, где под устойчивым объемом чистого национального продукта понимается максимальная сумма, которую можно потребить без снижения текущей стоимости национального богатства вдоль оптимальной траектории движения (Hamilton (forthcoming)). Норма подлинных сбережений превышает норму чистых сбережений в тех странах, где степень улучшения человеческого капитала перевешивает степень ухудшения природного капитала, и наоборот.

В среднем норма подлинных сбережений в странах с переходной экономикой ниже, чем норма чистых сбережений, что отражает нерациональное использование природных ресурсов и их истощение (табл. 3). В противоположность этому, в большинстве индустриальных стран норма подлинных сбережений в целом намного выше, чем норма чистых сбережений. В некоторых странах с переходной экономикой, в частности в Азербайджане, Казахстане, России и Узбекистане, норма подлинных сбережений намного ниже нормы чистых сбережений. По-видимому, это свидетельствует о том, что природные ресурсы используются расточительно или же используются в таких объемах, которые будет трудно поддерживать в дальнейшем, как показано в последнем столбце табл. 3.

Рис. 13–16 позволяют еще больше прояснить отдельные связи между экономическим ростом и некоторыми его детерминантами, которые были рассмотрены выше. На рис. 13 показана связь между подлинными сбережениями в 1997 г. (цифры за предыдущие годы отсутствуют) и долей сельского хозяйства в совокупной рабочей силе в 1990 г. для нашей выборки стран с переходной экономикой. Коэффициент корреляции равен -0.58 ($t = 2.9$). Это можно рассматривать как свидетельство того, что сильная зависимость от сельского хозяйства и природных ресурсов способствует нерациональному использованию природных ресурсов и последующему истощению. Рис. 14 свидетельствует

ет о положительной связи между подлинными сбережениями и неподкупностью, что предполагает обратную корреляцию ($r = -0.65$, $t = 3.4$) между коррупцией и подлинными сбережениями. Таким образом, вероятно, что коррупция ведет к проеданию природного капитала и возможно также дестимулирует накопление человеческого капитала. Фактически, количество индивидов, имеющих среднее образование, находится в обратной корреляции с индексом коррумпированности для нашей выборки, где $r = -0.65$, $t = 2.8$ (не показано). Рис. 15 изображает темпы инфляции и нормы подлинных сбережений в странах с переходной экономикой. Несмотря на то что три страны расположены в отрыве от других в нижней части графика, мы здесь имеем значимую отрицательную корреляцию ($r = -0.52$, $t = 2.4$).

Таблица 3

Нормы подлинных внутренних сбережений, 1997 г.

	(1) Подлинные внутренние сбережения (= (2) + (3) – (4)) (% от ВВП)	(2) Чистые внутренние сбережения (% от ВВП)	(3) Расходы на образование (% от ВВП)	(4) Истощение природных ресурсов (% от ВВП)
Албания	-23.5	-25.6	2.8	0.6
Азербайджан	-31.4	-4.5	–	26.9
Беларусь	7.4	4.4	4.7	1.7
Болгария	6.7	7.3	4.0	4.5
Чехия	14.8	11.2	5.3	1.7
Эстония	8.2	7.9	4.3	4.0
Венгрия	23.0	18.9	5.2	1.2
Казахстан	-17.9	6.1	–	24.0
Кыргызстан	5.0	3.6	4.3	2.9
Латвия	3.1	-2.1	6.5	1.2
Литва	12.3	8.9	4.4	1.0
Польша	12.5	9.3	5.7	2.3
Румыния	4.9	6.9	3.5	5.5
Россия	-1.6	5.3	4.1	11.1
Словакия	16.6	12.9	5.0	1.3
Словения	12.9	6.2	7.1	0.4
Украина	-3.4	-2.1	4.6	6.0
Узбекистан	11.4	14.2	7.7	10.6
В среднем	3.4	4.9	5.0	5.9
США	9.9	5.3	5.8	1.1
Индонезия	20.5	25.6	0.9	6.2

Источник: World Bank (1999); Hamilton (forthcoming).

На рис. 16 изображен разброс темпов экономического роста и норм подлинных сбережений. Как и следовало ожидать, подлинные (то есть с учетом качества) сбережения положительно коррелируют с ростом ВВП на душу населения ($r = 0.50$, $t = 2.3$). Если подлинные сбережения в 1997 г. (единственном году, по которому мы имеем такие оценки) рассматривать в качестве показателя того, что происходило в предыдущее десятилетие, то диаграмма разброса подтверждает, что обесценивание природного капитала, деградация

окружающей среды и т.д. могут навредить экономическому росту из-за сокращения подлинных сбережений. Наклон линии регрессии показывает, что увеличение подлинных сбережений на 1 процентный пункт в какой-либо стране сопровождается повышением среднегодовых темпов роста ВВП на душу населения на 0.2 процентных пункта. Корреляция между чистыми (то есть нескорректированными) сбережениями и ростом также является положительной (не показано), но она более слаба как экономически, так и статистически. Из всего этого можно сделать вывод, что зависимость от природных ресурсов, коррупция и инфляция могут воспрепятствовать экономическому росту не только через каналы, которые были рассмотрены в предыдущих подразделах, но также и через дестимулирование подлинных сбережений.

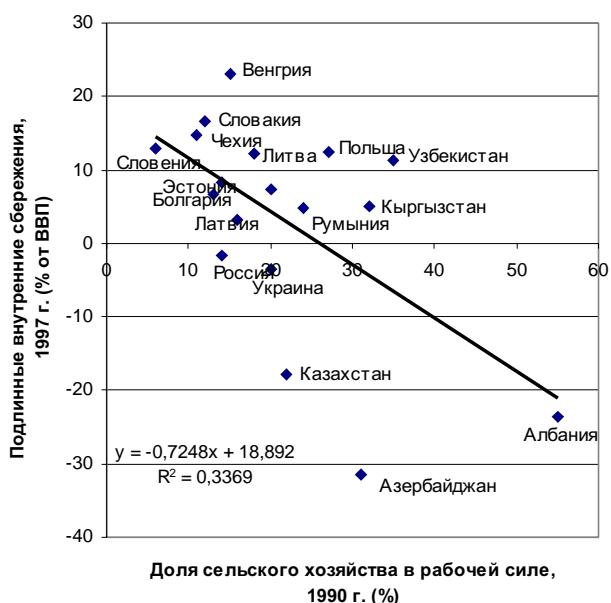

Рис. 13. Страны с переходной экономикой: подлинные сбережения и сельское хозяйство, 1990–1997 гг.

Теперь пришло время поставить точку в наших рассуждениях. На рис. 17 изображена диаграмма разброса темпов экономического роста в 1990–1997 гг. и доли сельского хозяйства в рабочей силе в 1990 г. Коэффициент корреляции равен -0.60 ($t = 3.2$). Наклон линии регрессии показывает, что увеличение доли сельского хозяйства в рабочей силе на 10 процентных пунктов в какой-либо стране сопровождается, при прочих равных условиях, снижением темпов роста выпуска продукции на душу населения более чем на 4 процентных пункта. Таким образом, ситуация в странах с переходной экономикой ничем не отличается от ситуации, наблюдаемой в мировой экономике в целом с 1960 г. и по сегодняшний день. Албания, которая, как и прежде, находится в отрыве от других стран, была исключена из выборки; если ее включить, то корреляция становит-

ся значительно более слабой ($r = -0.26$) и менее значимой ($t = 1.7$), а наклон линии регрессии снижается в абсолютном выражении с -0.41 до -0.14 .

Рис. 14. Страны с переходной экономикой: подлинные сбережения и коррупция

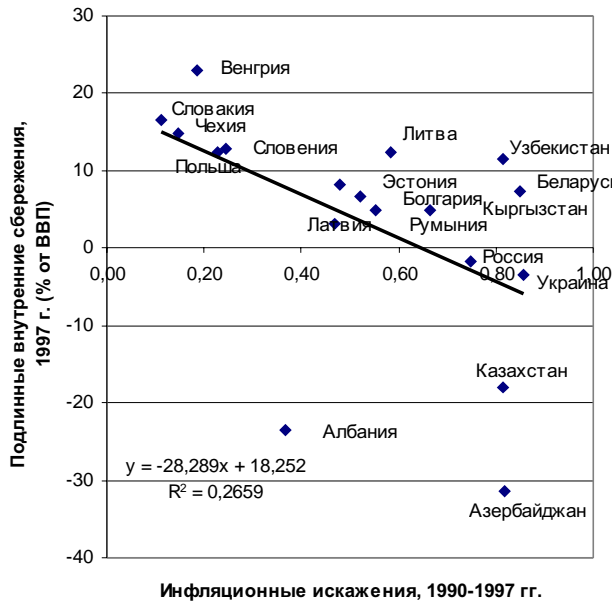

Рис. 15. Страны с переходной экономикой: подлинные сбережения и инфляция, 1990–1997 гг.

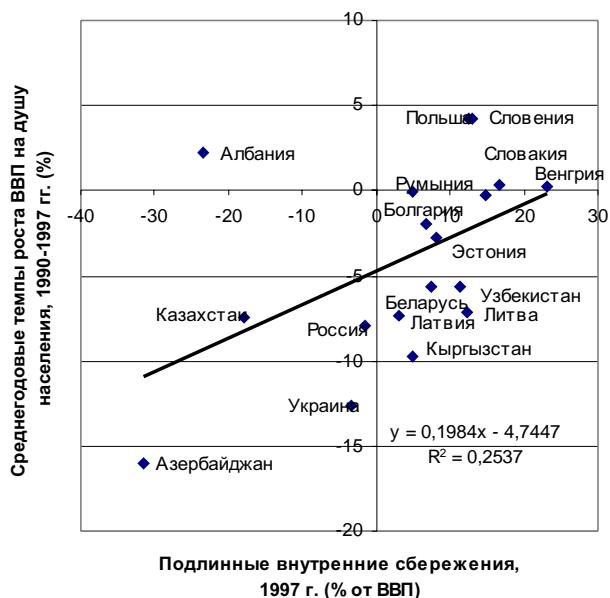

Рис. 16. Страны с переходной экономикой: экономический рост и подлинные сбережения, 1990–1997 гг.

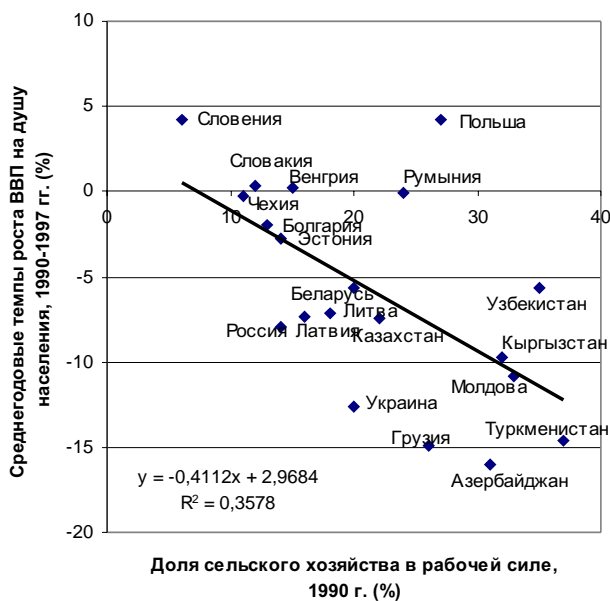

Рис. 17. Страны с переходной экономикой: экономический рост и сельское хозяйство, 1990–1997 гг.

5. ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Выше мы представили достаточно сложную сеть возможных связей между зависимостью от природных ресурсов, измеряемой удельным весом сельского хозяйства в национальной экономике, и всеми мыслимыми детерминантами экономического роста, которые, в свою очередь, могут взаимодействовать друг с другом. Рис. 18 дает возможность рассмотреть эти связи вместе, ссылаясь на рисунки, отражающие каждую связь в отдельности. Итог рассуждений сводится к тому, что чрезмерная зависимость от сельского хозяйства и природных ресурсов зачастую приводит к (а) поиску ренты (и, следовательно, коррупции), (b) провалам политики (и, следовательно, инфляции), в то же время дестимулируя (c) получение образования, (d) внешнюю торговлю и (e) подлинные сбережения, тем самым замедляя темпы экономического роста через некоторые или вместе взятые взаимосвязанные каналы. В последнее время некоторые из этих каналов были достаточно хорошо изучены в эконометрических исследованиях межсекторальных или панельных данных, охватывающих мировую экономику в целом. Однако ограниченность данных и необычные обстоятельства в странах с переходной экономикой в 1990-е гг. не позволяют нам на данном этапе предпринять аналогичный статистический анализ темпов роста за этот период. Этим объясняется упрощенный графический подход на основе корреляции, использованный нами здесь. Этот подход лишь показывает типы возможных связей, которые, судя по опыту других стран, могут быть разъяснены позднее при проведении эконометрических исследований экономического роста бывших социалистических экономик.

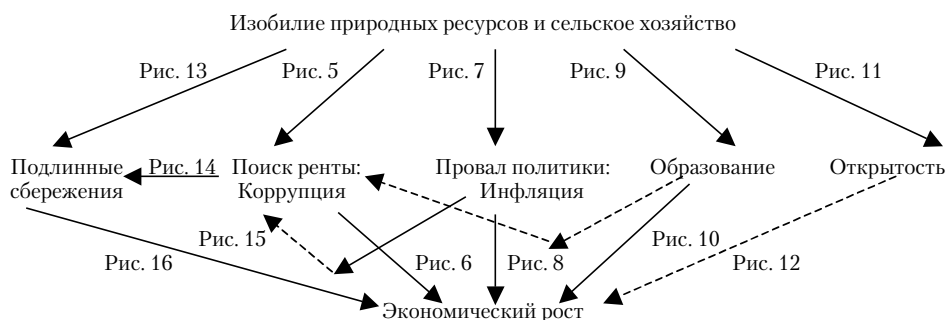

Рис. 18. Обзор связей

Какими бы убедительными ни казались эти результаты, мы ни в коем случае не отказываемся от вывода о наличии обратной связи между изобилием природных ресурсов и экономическим ростом. Опыт показывает, что росту вредит не столько само по себе наличие природных ресурсов, сколько неспособность государственных органов справиться с проблемами, вызванными изобилием природных ресурсов, и скорректировать связанные с этим прова-

лы рынка. Эти проблемы имеют общий и специфический характер. Для демонстрации достаточно рассмотреть несколько примеров.

Поскольку изобилие природных ресурсов высвобождает силы, препятствующие проведению здоровой экономической политики (стрелка от зависимости от ресурсов к инфляции), то общая проблема состоит в необходимости запуска властями компенсирующих механизмов стабилизации (например, принятие банковского законодательства, которое обеспечивает независимость и подотчетность центрального банка, а также создание органов финансового надзора). Иначе говоря, экономическая стабилизация особенно важна для стран, богатых ресурсами. В этой связи наличие эффективных и развитых финансовых рынков, опосредующих небанковское финансирование государственных органов и частных предприятий, может сыграть ключевую роль, снижая давление на центральный банк печатать деньги.

Аналогичным образом, поскольку зависимость от природных ресурсов отвлекает внимание и ресурсы от образования, властям необходимо реагировать не только путем усиления собственной ответственности за поддержку сферы образования, но и введением соответствующих механизмов, содействующих повышению заинтересованности населения в получении образования (например, через создание дополнительных возможностей для развития частного сектора, который будет конкурировать с государством на всех уровнях сферы образования). Однако опыт показывает, что государственные органы в странах с преобладанием государственной системы образования неохотно идут на то, чтобы разделить свою историческую ответственность за обеспечение образования с частным сектором, и предпочитают полагаться на, по сути, централизованное планирование в сфере образования.

Теперь – другой пример. Странам, богатым природными ресурсами, необходимо следить за тем, чтобы цены на ресурсы устанавливались в соответствии с ценами, преобладающими на мировых рынках. Например, заниженная оценка имеющихся в изобилии внутренних энергетических ресурсов будет не только способствовать расточительному использованию ценной энергии у себя в стране, но также делать отечественные отрасли чрезмерно энергоемкими, тем самым снижая их способность конкурировать с менее энергоемкими фирмами на внешних рынках. Поэтому в богатых ресурсами странах либерализация должна распространиться и на рынки природных ресурсов.

Специфическая проблема – способ управления природными ресурсами, включая сельскохозяйственную политику. Управление природными ресурсами должно осуществляться рыночным путем с учетом прав собственности. Это означает, например, что доступ к ограниченным естественным ресурсам совместного потребления должен регулироваться с максимальной эффективностью, то есть, по сути, посредством механизма цен. Регулирование посредством цены через прямую продажу или на аукционе в честной конкуренции, например, прав на бурение нефтяных скважин, прав на загрязнение окружающей среды или рыбную ловлю, будет содействовать правильному использованию невозобновляемых ресурсов и использованию на устойчивом уровне возобновляемых ресурсов, тем самым снижая шансы на получение ренты и

обеспечить источник государственных доходов. Свободная торговля такими правами и разрешениями на открытых рынках кроме всего прочего способствует достижению полной эффективности не только на рассматриваемых нами рынках, но и на уровне макроэкономики, а также с точки зрения государственных финансов. В России, например, права на ловлю рыбы продаются правительством (а не распространяются бесплатно), а затем ими торгуют как частной собственностью, даже с иностранцами – необычная, но похвальная практика как с точки зрения эффективности, так и справедливости. Регулирование посредством справедливых рыночных цен также может помочь снизить неравенство, связанное с использованием других нерыночных способов регулирования, которые благоприятствуют получению ренты и тем самым подрывают нравственность экономики и общества.

Теми же принципами необходимо руководствоваться при проведении сельскохозяйственной политики. Чтобы обеспечить эффективность, всем странам необходима либерализация сельскохозяйственной политики (хотя и с некоторыми исключениями в виде Эстонии и Чехии, где полная или, по крайней мере, существенная либерализация сельскохозяйственной политики уже проведена). Либерализация сельскохозяйственной политики особенно важна для преимущественно аграрных или богатых ресурсами стран, поскольку в них существуют сильные аграрные лобби, оказывающие сопротивление реформам. Необходимость либерализации сельскохозяйственной политики вытекает из высоких издержек, налагаемых во всех странах мира на потребителей и налогоплательщиков благодаря практике введения ограничений в сельском хозяйстве, включая и единую сельскохозяйственную политику (ЕСП) Европейского Союза. Согласно некоторым оценкам, ЕСП обходится странам-членам в сумму, эквивалентную примерно 3% совокупного годового ВВП, если учитывать косвенные издержки, которые налагает защита сельского хозяйства на другие секторы экономики (обрабатывающую промышленность, торговлю и сферу услуг). Кроме того, в либерализации заинтересованы страны Центральной и Восточной Европы, стремящиеся в ЕС. Вступление в Евросоюз без проведения реформ в соответствии с ЕСП обошлось ЕС очень дорого. Но, чем держать страны Центральной и Восточной Европы за воротами ЕС или откладывать их вступление, самому Европейскому Союзу необходимо радикально пересмотреть ЕСП (а также единую политику в отношении рыбной ловли) с целью облегчить вступление этих стран в союз за приемлемый период времени (см. Gylfason (1998b)).

Но одной лишь либерализации единой сельскохозяйственной политики Евросоюза недостаточно. Отдельные страны, стремящиеся вступить в ЕС, также должны провести либерализацию, что предполагает не только проведение рыночной сельскохозяйственной политики, но также и массовую приватизацию сельскохозяйственных земель (например, в России) и в целом проведение земельной реформы во всем регионе. Более важно, однако, то, что существует необходимость в развитии и повышении качества образования в сельской местности с целью облегчить перемещение рабочей силы из агросектора в другие отрасли без излишних изменений распределения рабочей силы по регионам. Иначе говоря, при проведении региональной политики финансо-

вая помощь должна поступать сельскому хозяйству без искажения рынков. Региональных целей можно достичь более эффективно, не искажая рынки, путем прямой поддержки сельской местности (например, строительством дорог, больниц и школ) и без какого-либо принудительного удерживания на селе с тем, чтобы люди сами могли решать, остаться ли им в сельском хозяйстве или найти какую-либо другую работу.

ЛИТЕРАТУРА

- Auty, R.M. (1994) Industrial Policy Reform in Six Large Newly Industrializing Countries: The Resource Curse Thesis, *World Development*, 22, 11–26.
- Auty, R.M. (forthcoming) Reforming Resource-Abundant Transition Economies: Kazakhstan and Uzbekistan, Ch. 17 in Auty (forthcoming).
- Auty, R.M. (ed.) (forthcoming) *Resource Abundance and Economic Development: Improving the Performance of Resource-Rich Countries*.
- Bardhan, P. (1997) Corruption and Development: A Review of the Issues, *Journal of Economic Literature*, 35, September, 1320–1346.
- Bhagwati, J. (1982) Directly-Unproductive, Profit-Seeking (DUP) Activities, *Journal of Political Economy*, 90, October, 988–1002.
- Edwards, S. (1998) Openness, Productivity, and Growth: What Do We Really Know? *Economic Journal*, 108, March, 383–398.
- Frankel, J.A., Romer, D. (1999) Does Trade Cause Growth? *American Economic Review*, June, 379–399.
- Gelb, A., Hillman, A.L., and Ursprung, H.W. (1996) Rents and the Transition, Background Paper, *World Development Report 1996*, Washington, World Bank.
- Gray, C.W., Kaufman, D. (1998) Corruption and Development, *Finance and Development*, March, 6–10.
- Gylfason, T. (1998a) Output Gains from Economic Stabilization, *Journal of Development Economics*, 56, June, 81–96.
- Gylfason, T. (1998b) Prospects for Liberalization of Trade in Agriculture, *Journal of World Trade*, 32, February, 29–40.
- Gylfason, T. (1999) Exports, Inflation, and Growth, *World Development*, 27, June, 1031–1057.
- Gylfason, T. (2000) Nature, Power, and Growth, Rapport 3, January 29, Norway, ECON – Center for Economic Analysis.
- Gylfason, T. (forthcoming) A Nordic Perspective on the Dutch Disease, Ch. 14 in Auty (forthcoming).
- Gylfason, T., Herbertsson, T.T. (1996) Does Inflation Matter for Growth? *CEPR Discussion Paper*, 1503.
- Gylfason, T., Herbertsson, T.T., and Zoega, G. (1999) A Mixed Blessing: Natural Resources and Economic Growth, *Macroeconomic Dynamics*, 3, June, 204–225.
- Hamilton, K. (forthcoming) The Sustainability of Extractive Economies, Ch. 3 in Auty (forthcoming).
- Leite, C., Weidmann, J. (1999) Does Mother Nature Corrupt? Natural Resources, Corruption, and Economic Growth? *IMF Working Paper*, WP/99/85.
- Kaufman, D. (1997) Corruption: The Facts, *Foreign Policy*, 107, 114–131.
- Krueger, A. (1974) The Political Economy of the Rent-Seeking Society, *American Economic Review*, 64, June, 291–303.

Mauro, P. (1995) Corruption and Growth, *Quarterly Journal of Economics*, 110, August, 681–712.

Sachs, J.D. (1989) Social Conflict and Populist Policies in Latin America, *NBER Working Paper*, 2897.

Sachs, J.D., Warner, A.M. (1995a) Natural Resource Abundance and Economic Growth, *NBER Working Paper*, 5398.

Sachs, J.D., Warner, A.M. (1995b) Economic Reform and the Process of Global Integration, *Brookings Papers on Economic Activity*, 1, 1–118.

World Bank (1995) Monitoring Environmental Progress, *Environmentally Sustainable Development Series*, Washington, World Bank.

World Bank (1999) *World Development Indicators*, Washington, World Bank.

Перевод Валевица Ю.